

В глубинах памяти

- “ — Самое главное, Маркус, это первая глава. Если она читателям не понравится, остальное они читать не будут. С чего вы думаете начать свою книгу?
- Не знаю, Гарри. Думаете, у меня когда-нибудь получится?
- Что?
- Написать книгу.
- Я в этом уверен. ”

В начале 2008 года, то есть примерно через полтора года после того, как благодаря своему первому роману я сделался новым идиолом американской литературы, на меня напал жестокий страх чистого листа — похоже, довольно обычный синдром среди писателей, переживших внезапный и громкий успех. Болезнь проявилась не сразу, она угнездилась во мне постепенно. Такое ощущение, что она поразила мозг и он постепенно оцепенел. На первые симптомы я не обращал внимания: я говорил себе, что вдохновение вернется завтра или послезавтра, а может, послепослезавтра. Но шли дни, недели, месяцы, а вдохновение не возвращалось.

Мое нисхождение в ад поделилось на три этапа. Первым, без которого никаких головокружительных падений просто не может быть, стал стремительный взлет: первый ро-

ман, распроданный в количестве двух миллионов экземпляров, возвел меня в ранг популярного писателя. Стояла осень 2006 года, и за несколько недель мое имя превратилось в Имя: я был везде — на телевидении, в газетах, на обложках журналов. Мое лицо глядело с гигантских рекламных плакатов на каждой станции метро. Самые суровые критики крупнейших ежедневных газет Восточного побережья в один голос утверждали, что молодой Маркус Гольдман обещает стать великим писателем.

Одна-единственная книга — и передо мной уже открыты врата новой жизни: жизни юных звезд-миллионеров. Я съехал из дома своих родителей в Монтклере, штат Нью-Джерси, и обосновался в дорогой квартире в Гринвич-Виллидж, я сменил свой весьма потрепанный “форд” на новенький черный “рейнджровер” с тонированными стеклами, я сделался завсегдатаем фешенебельных ресторанов, я прибегнул к услугам литературного агента, который ведал моим времяпрепровождением и приходил в мой новый дом смотреть бейсбол на гигантской плазменной панели. Я снял офис в двух шагах от Центрального парка, где слегка влюбленная секретарша по имени Дениза разбирала мою почту, варила мне кофе и сортировала мои важные бумаги.

Первые полгода после выхода книги я лишь наслаждался своим новым приятным существованием. По утрам я заходил в офис, при случае просматривал статьи о себе и читал десятки писем от поклонников, которые приходили ежедневно и которые Дениза затем убирала в большие папки. Потом, довольный собой, я решил, что поработал достаточно, и шел бродить по улицам Манхэттена, провожаемый шушуканьем прохожих. Остаток дня я пользовался новыми правами, приобретенными вместе с известностью: правом покупать все, что захочется, правом

на VIP-ложу в Мэдисон-сквер-гарден на матчах “Рейнджеров”, правом шагать по красным дорожкам вместе с музыкальными звездами, чьи диски я собирал в ранней юности, правом появляться в свете вместе с Лидией Глур, героиней последнего телесериала, которую буквально рвали на части. Я был знаменитый писатель; мне казалось, что это самая прекрасная профессия. Уверенный, что успех будет длиться вечно, я не придал значения первым предупреждениям своего агента и издателя, которые торопили меня и усаживали за работу — писать новый роман.

За следующие полгода я обнаружил, что ветер изменился: писем от поклонников приходило все меньше, а на улице ко мне подходили все реже. Вскоре те из прохожих, кто меня еще узнавал, стали задавать один и тот же вопрос: “А о чем будет ваша следующая книга, мистер Гольдман? И когда она выйдет?” Я понял, что пора браться за дело, и взялся за дело: записал на листочках некоторые идеи и набросал на компьютере несколько синопсисов. Но ничего хорошего не вышло. Тогда я стал придумывать другие идеи и набросал новые синопсисы. С тем же успехом. В конце концов я купил новый компьютер — в надежде приобрести в комплекте отличные идеи и отменные синопсисы. Все напрасно. Потом я попытался сменить метод: призвав на помощь Денизу, я до глубокой ночи диктовал ей опорные фразы, остроумные шутки и великолепные подступы к роману. Но наутро шутки казались мне плоскими, фразы — банальными, а пресловутые подступы — перекрытыми. Я вступал во второй этап своей болезни.

Осенью 2007-го исполнился год с момента выхода моей первой книги, а я не написал еще ни единой строчки. Когда письма в папках иссякли, в общественных местах меня перестали узнавать, а из больших книжных магазинов на Брод-

вее исчезли афиши с моим лицом, я понял, что слава мимолетна. Что эта вечно голодная горгона быстро покидает тех, кто ее не кормит: популярные политики, старлетка из последнего реалити-шоу и нашумевшая рок-группа забрали себе внимание, предназначавшееся мне. А ведь после выхода моей книги прошел всего год, всего лишь годик, до смешного короткий в моих глазах, но с точки зрения человечества равнозначный вечности. За этот самый год в одной только Америке родился миллион детей, еще миллион человек умерли, добрых тысяч десять были застрелены, полмиллиона пристрастились к наркотикам, еще миллион стали миллионерами, семнадцать миллионов сменили мобильный телефон, пятьдесят тысяч погибли в автокатастрофах, а еще два миллиона при тех же обстоятельствах получили более или менее серьезные травмы. А я написал всего одну книгу.

“Шмид и Хансон”, влиятельное нью-йоркское издательство, заплатившее мне кругленькую сумму за право напечатать мою книгу и возлагавшее на меня большие надежды, наседало на моего агента Дугласа Кларена, а тот, в свою очередь, теребил меня. Он говорил, что время поджидает, что мне непременно надо представить новую рукопись, а я, пытаясь его успокоить, чтобы успокоить самого себя, уверял, что мой второй роман движется полным ходом и ему не о чем волноваться. Но я часами просиживал взаперти в кабинете и так и не написал ни строчки: вдохновение внезапно ушло и больше не возвращалось. А по вечерам, лежа без сна в постели, я представлял себе, что скоро, еще до своего тридцатого дня рождения, великий Маркус Гольдман перестанет существовать. Эта мысль навела на меня такой ужас, что я решил слегка встряхнуться и уехать в отпуск: провести месяц на вилле в Майами, так сказать, ради но-

вых впечатлений — и в тайной уверенности, что, расслабившись под пальмами, полностью восстановлю контроль над своим творческим гением. Но Флорида, естественно, оказалась всего лишь пышной попыткой бегства, а эту тягостную ситуацию за две тысячи лет до меня уже опробовал на себе философ Сенека: куда бы вы ни бежали, ваши проблемы залезают к вам в багаж и следуют за вами повсюду. Вот так сразу по приезде в Майами меня догнал у выхода из аэропорта симпатичный носильщик-кубинец и спросил:

— Вы мистер Гольдман?

— Да.

— Тогда это ваше.

И протянул мне пакет с пачкой бумаги.

— Это мои чистые листы?

— Да, мистер Гольдман. Вы же не можете без них ехать.

Так что месяц во Флориде я провел в одиночестве, запершись в люксе со своими демонами, раздосадованный и жалкий. Мой компьютер был включен день и ночь, но документ, озаглавленный “новый роман.doc”, оставался безнадежно пустым. То, что я подцепил болезнь, весьма распространенную в творческой среде, я понял однажды вечером, предложив коктейль “Маргарита” пианисту в гостиничном баре. Пересев за стойку, он поведал мне, что за всю жизнь написал одну единственную песню, но эта песня оказалась оглушительным суперхитом. Он имел такой успех, что так и не смог написать ничего другого и теперь, несчастный, без гроша в кармане, зарабатывал на хлеб, наигрывая для гостиничных постояльцев чужие хиты. “Я тогда мотался в адские туры по самым большим залам страны, — говорил он, держа меня за ворот рубашки. — Десять тысяч человек орали мое имя, одни телки падали в обморок, другие швыряли мне на сцену тру-

сики. Это было нечто”. И, слизав, как собачка, соль с края стакана, добавил: “Клянусь, это правда”. И что хуже всего — я знал, что это правда.

Третий этап моих бедствий начался сразу после возвращения в Нью-Йорк. По дороге из Майами я прочел в самолете статью о некоем молодом писателе, только что выпустившем роман, который критика превозносила до небес, а по прибытии в аэропорт Ла-Гуардиа я увидел в зале получения багажа его лицо, смотревшее на меня с огромных плакатов. Жизнь издевалась надо мной: меня не только забыли, но, что еще хуже, заменили другим. Дуглас, встречавший меня в аэропорту, был вне себя: “Шмид и Хансон”, потеряв терпение, требует доказательств того, что роман продвигается и вскоре я смогу принести им законченную новую рукопись.

— Дело дрянь, — сказал он мне в машине, пока мы ехали в Манхэттен. — Ну скажи мне, что во Флориде ты набрался сил и твоя книжка почти готова! Еще этот тип, про которого все говорят... Его книга будет иметь большой успех на Рождество. А ты, Маркус? Что у тебя есть на Рождество?

— Я сейчас за нее засяду! — в панике вскричал я. — Я успею! Устроим большую рекламную кампанию, и все получится! Людям понравилась первая книга, понравится и вторая!

— Марк, ты не понимаешь: все это можно было бы сделать еще несколько месяцев назад. В том и состояла стратегия: оседлать волну успеха, накормить публику, дать ей то, чего она хочет. Публика хотела Маркуса Гольдмана, но поскольку Маркус Гольдман тихо слинял во Флориду, читатели пошли и купили книжку кого-то другого. Ты экономисту учил хоть немножко, Марк? Книги стали взаимозаменяемым продуктом: люди хотят, чтобы роман им нравился, они хотят расслабиться и развлечься. Если этого не дашь им ты, значит, даст твой сосед, а ты отправишься прямиком в корзину.

Перепуганный пророчествами Дугласа, я засел за работу как одержимый: я начинал писать в шесть утра и заканчивал не раньше девяти-десяти вечера. Целыми днями я сидел в кабинете, писал без передышки, набрасывал слова, начинал фразы, придумывал все новые идеи романа. Но, к величайшему моему разочарованию, ничего стоящего не получалось. Со своей стороны, Дениза целыми днями беспокоилась о моем состоянии. Делать ей больше было нечего, диктовки кончились, почту разбирать было не нужно, кофе варить не нужно, и она вышагивала взад-вперед по коридору. А когда силы ее иссякали, начинала барабанить в дверь.

— Маркус, умоляю, откройте! — стенала она. — Выйдите из кабинета, погуляйте в парке! Вы же сегодня ничего не ели!

В ответ я орал:

— Не хочу есть! Не хочу есть! Нет книжки — нет еды!

Она почти рыдала.

— Не говорите таких ужасов, Маркус! Я сбегаю в закусокную на углу, принесу вам сэндвичи с ростбифом, ваши любимые. Я мигом! Я мигом!

Я слышал, как она хватается сумку, бежит к входной двери и устремляется вниз по лестнице, как будто ее поспешность может что-то изменить в моем положении. Ибо я наконец постиг размеры поразившего меня бедствия: когда я был никем, написать книгу казалось мне делом очень легким, но теперь, когда я достиг вершины, теперь, когда нужно взвалить на плечи свой талант и повторить изнурительный поход за успехом, то есть написать хороший роман, я чувствовал, что больше на это не способен. Меня убивал страх чистого листа, и помочь мне не мог никто: все, с кем я говорил, твердили, что это совершеннейшие пустяки, самое обычное дело, и если я не напишу свою книгу сегодня, то конечно же напишу завтра. Два дня я пытался работать в моей прежней